

*Н.А. Трофимова
д.ф.н., профессор кафедры
иностраннных языков
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург*

ЭКСПРЕССИВЫ: МНЕНИЯ И РЕШЕНИЯ

Предметом рассмотрения в настоящей статье является класс экспрессивных речевых действий, отличающихся тем, что их исполнитель в своих действиях выражает внутренние состояния определенного типа – а именно «чувства», «эмоции», «мнения» в широком смысле слова. Экспрессивы уже много лет неизменно вызывают интерес исследователей, но граница класса до сих пор является предметом их дискуссий.

Впервые на существование отдельного класса экспрессивных речевых действий заявили в наилучших на сегодняшний день и наиболее полно отвечающих задачам анализа речевых актов классификациях Дж. Остин и Дж. Серль.

Дж. Остин [11], определяя тип речевого акта по значению перформативного глагола-сказуемого, не выделяет класс экспрессивных высказываний как таковой, однако некоторые типы экспрессивов входят у него в состав таких классов, как комиссивы (высказывания обязательства и угрозы), бехабитивы – реакции на поведение других людей (поздравления, извинения). Сюда же Дж. Остин относит и выражение отношений к чьим-то прошлым или предстоящим соглашениям.

Представление Дж. Остина, что классификация иллокутивных глаголов есть тем самым классификация иллокутивных актов и любые два несинонимичных глагола должны обозначать различные иллокутивные акты, справедливо критиковал последователь и продолжатель Остина Дж. Серль, считавший, что понятия иллокутивных актов и иллокутивных глаголов нельзя считать синонимами. Развивая теорию предшественника, Дж. Серль предложил собственную классификацию актов речи [16], в которой

интересующие нас речевые действия попадают в группу экспрессивов. По мнению Дж. Серля, иллокутивная цель экспрессивов, к которым он относит благодарность, поздравление, извинение, соболезнование, сожаление, приветствие, состоит в том, «чтобы выразить психическое состояние, задаваемое условием искренности, относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» [16: 183]. Он подчеркивает, что экспрессивы, возможно, являются единственным классом высказываний, для которого установления соответствия между словами и реальным миром не имеет значения. Говорящий не пытается «подогнать» мир к словам или слова к реальному миру. Таким образом, когда он извиняется, например, за то, что наступил на ногу, его целью не является объявить, что на ногу наступили... [17: 183].

Поскольку классификация, предложенная Дж. Серлем, а затем усовершенствованная в его последующих исследованиях, получила широкое применение в работах до лингвистической прагматики, то и название класса экспрессивы является в наше время наиболее распространенным в специальной литературе. С другой стороны, вопрос о выделении класса экспрессивов относится сегодня к числу наиболее дискуссионных. Во многих классификациях западных лингвистов понятие экспрессивов не встречается, они распределяются исследователями по разным классам – репрезентативам, регулятивам и универсалиям [29], обязательствам и актам, отражающим отношения между говорящим и слушающим [28: 192], комиссивам и сатисфактивам [36: 77]. Существование самостоятельного класса экспрессивов не признается в системе К. Баха и Р. Харниша [25: 41], его нет и в таксономии Дж. Лича [30: 103]. Е. Вейганд [35] рассматривает экспрессивы как речевые акты выражения чувств (*Wie herrlich ist es hier!*) и считает, что такие речевые не могут образовывать собственного фундаментального класса, поскольку они выражают, как правило, очевидное положение вещей. Решающим является, однако, эмоциональное волнение, которое определяет форму высказывания и принципиально отделяет

экспрессивы от эмоционально нейтральных констативов. Серлевы экспрессивные речевые акты Е. Вейганд относит к подклассу декларативов; для них, по ее мнению, выражение чувств не является конститутивным, они не выполняют условия искренности, в результате чего они превращаются в рутинные, рудиментарные, «пустые фразы», лишенные смыслового содержания, выполняющие лишь функцию создания или поддержания отношений.

Т. Зандер [34] также отрицает необходимость выделения отдельного вида экспрессивных речевых актов, утверждая, что истинная суть таких, например, речевых актов как благодарность или поздравление состоит не просто в выражении чувств, не менее существенной является их социальная функция, то есть, по его мнению, любое экспрессивное (в нашем понимании) высказывание является примером комиссивов, директивов, и шире – речевых актов, предполагающих обязательства.

Лишь немногие исследователи включают экспрессивы как единый класс в свои типологии. К наиболее известным приверженцам точки зрения о самодостаточности экспрессивов относятся Т. Баллмер и В. Бренненштуль [26], класс экспрессивов и его состав уточняется и описывается в работах А. Вежбицкой и Л. Писарек [5; 12]. Правомерность выделения отдельного класса экспрессивов четко обосновывается также в иллокутивной грамматике Ф. Лидтке [31]. Важной чертой их классификаций является сопоставление иллокутивного класса с психическим состоянием говорящего, а иллокутивного предиката – с предикатом пропозициональной установки, что совершенно логично: «для нормального осуществления того или иного иллокутивного акта говорящий должен находиться в соответствующем психологическом состоянии: для утверждения чего-либо говорящий должен верить в то, что утверждаемое им есть правда, если говорящий побуждает адресата сделать что-то, то он должен желать этого» [3: 45-46].

Нет единства мнений при классификации речевых актов и в отечественной лингвистике. Н.И. Формановская, например, сомневается в

целесообразности выделения экспрессивов как класса, считая экспрессивность функциональным свойством любого речевого акта быть особо выразительным, с усиленным, подчеркнутым, выделенным значением [23]. Другие исследователи признают существование экспрессивных речевых актов, но «разводят» отдельные представители Серлевых экспрессивов по разным классам: например, перформативов (поздравления, приветствия, извинения) и менасивов (угрозы) [14]; речевых ритуалов, признаний, одобрения, прощения и специализированных актов отчуждения [1: 216]; непобуждающих иллокутивных актов (выражающих внутреннее психическое состояние говорящего), и ассертивов (психически невыражающих актов) [3: 53-54].

Терминологическое разнообразие в определении данного класса речевых действий связано еще и с тем, что предложенный Остином термин бехабитив по-разному переводился на русский язык: формулы социального этикета, обычно выражающие реакцию на поведение других людей [2: 48], этикетные высказывания, глаголы этикетного поведения [4: 269]. Поскольку экспрессивные речевые действия действительно обусловлены общественными конвенциями и являются как бы социальными ритуалами, то в лингвистической литературе о них говорится, между прочим, как о ритуальных речевых актах [6], конвенционально-этикетных формулах [Золотова 1986: 506], формулах речевого этикета [22: 11], этикетных речевых актах [13: 72], социальных речевых актах [15: 61], этикетных действиях [10: 45], неинформативных речевых актах [7: 37]; актах речевых ритуалов и этикета [8].

Как бы ни были названы речевые действия, отнесенные в стандартной теории речевых актов к группе экспрессивов, они выделяются на основе общности их иллокутивной цели, состоящую в выражении чувств и психологических установок относительно положения дел, выраженного в пропозиции [18: 253].

В литературе обращается также внимание на то, что экспрессивы связаны между собой общностью перлокутивного эффекта, вытекающего из их функции. Эта перлокутивная цель, согласно мнению некоторых исследователей, состоит в том, чтобы расположить адресата к говорящему, вызвать по отношению к говорящему положительную реакцию собеседника. Сказанное касается речевых актов, выделяемых Дж. Серлем. Мы включаем в состав экспрессивов оценочные речевые акты, целью которых не всегда является положительная реакция собеседника (в некоторых случаях даже наоборот), но в любом случае это реакция, регулирование отношений. Поэтому данные действия называются также актами, регулирующими межличностные отношения [19: 11; 24: 117-118].

Приведенный обзор точек зрения на класс экспрессивных речевых актов доказывает, что большинство классификаций речевых актов относит отдельные типы экспрессивных высказываний по тем или иным причинам к другим классам. Для того чтобы установить границы класса экспрессивов, необходимо определить условия их успешного выполнения. При формулировании правил успешности мы опираемся на схему Дж. Серля, разработанную им для всех речевых актов.

Самую общую суть экспрессивного речевого акта можно сформулировать следующим образом: говорящий искренне и с экспрессией произносит некоторое высказывание в присутствии адресата, выражая некое пропозициональное содержание, относящееся к адресату (которое касается адресата или за которое адресат несет ответственность).

Вводным (предварительным) условием успешности экспрессивов является условие, что говорящий, произнося высказывание и выражая через него некоторое суждение, манифестирует эмоциональное состояние или эмоциональное отношение. Дж. Серль считал, что экспрессивный речевой акт должен быть произведен самим говорящим и не может касаться еще не произошедшего события. Возражая этому мнению, мы утверждаем возможность проспективного произнесения экспрессивных речевых актов,

например, пожелание касается, как правило, несуществующего положения дел, наступление которого желается говорящим. Часто встречается также перспективное извинение, извинение «впрок», касающееся действия, еще не совершенного, но предполагаемого.

Произнося высказывание, говорящий выражает пропозициональное содержание, значение которого таково, что, если выражение пропозиции правдиво в отношении объекта или субъекта, то оно правдиво, т.е. имеет смысл, и по отношению к. самому факту выражения пропозиции с экспрессией. Это условие можно назвать условием пропозиционального содержания.

Следующее (существенное) условие зависит от положительной или отрицательной заряженности экспрессивных высказываний, т.е. от того, заинтересован или не заинтересован слушающий в произнесении говорящим высказывания, которое выражает определенное пропозициональное содержание. Определим это условие так: Адресат предпочел бы, чтобы говорящий произвел определенное действие или произнес определенное высказывание, тому, что говорящий не произвел бы это действие или не произнес бы это высказывание, и говорящий верит, что адресат предпочел бы, чтобы говорящий сделал действие или произнес высказывание, тому, что говорящий не сделал бы действие или не произнес бы высказывание. И наоборот для отрицательно заряженных экспрессивов: Адресат предпочел бы, чтобы говорящий не произвел определенное действие или не произнес определенное высказывание, тому, что говорящий произвел это действие или произнес это высказывание, и говорящий верит, что адресат предпочел бы, чтобы говорящий не выполнил действие или не произнес высказывание, тому, что говорящий выполнил действие или произнес высказывание. Угроза, например, дефектна, если ее выполнение желательно для того, кому она направлена. Она еще более дефектна, если угрожающий не верит в то, что тот, кому она направлена, не желает ее осуществления. Так же дефектно будет извинение, если тот, кто его произносит, не имеет какой-либо вины

перед тем, кому он направляет свое извинение. Следовательно, необходима какая-то ситуация или условие, которые давали бы говорящему основания для осуществления экспрессивного речевого акта.

Обязательным является условие искренности: говорящий искренен при произведении действия или произнесении высказывания, выражающего пропозициональное содержание. Различие между искренним и неискренним экспрессивами заключается в том, что в случае неискреннего экспрессива говорящий не испытывает манифестируемого высказыванием психического состояния, он не намерен выполнить то, что выражает пропозиция. В искреннем экспрессивном высказывании говорящий произносит высказывание, испытывая заявляемое психическое состояние и имея намерение выполнять действие, выражаемое пропозицией. Ситуация произнесения искреннего экспрессивного высказывания такова, что она вынуждает говорящего произносить свое высказывание с экспрессией. Успешность экспрессива во многом зависит от того, с достаточной ли степенью выразительности говорящий осуществляет произнесение такого высказывания.

Сказанное свидетельствует о том, что условие искренности имеет при реализации экспрессивных речевых актов особенные характеристики. Можно утверждать, что экспрессивы имеют не общее, а вариативное, меняющееся в каждом конкретном речевом акте условие искренности. Выражаемое экспрессивом состояние или отношение (как правило, оно эмоционально) и есть его условие искренности. Исполняется ли это условие искренности, это другой вопрос.

Существование высказываний, не исполняющих условие искренности, при произнесении которых говорящий не испытывает выражаемого ими психического состояния, дает повод некоторым лингвистам не относить конвенциональные речевые акты благодарности, извинения, поздравления, пожелания и т.п. к экспрессивам. Н.И. Формановская, например, разграничивает эмотивные и этикетные речевые акты, выражающие разные,

по ее мнению, целеполагания говорящего и разные перлокутивные ожидания: эмотивные речевые акты (например, инвективы), полагает Н.И. Формановская, реализуют различные способы непосредственного выражения эмоциональных состояний, а этикетные речевые акты (благодарность, извинение и т.п.) – «социально заданные регулирующие правила речевого поведения в зоне кооперативности» и имеют, следовательно, облигаторную положительную оценочность [23: 112].

На наш взгляд, неправомерно отделять искренние речевые акты от неискренних и рассматривать их в рамках разных категорий: В нашем анализе мы исходим из того, что исходными, инвариантными (прототипными) являются высказывания, отвечающие условию искренности. Однако в связи с повторяемостью, стереотипизацией ситуаций в отдельных случаях они превращаются в формулы, за которыми действительно не стоит выражение сильных эмоций, которые произносятся машинально, потому что «так принято». Мы рассматриваем их как варианты искренних экспрессивов – как клишированные, конвенциональные речевые акты. Такой подход представляется нам единственно верным, поскольку он дает нам возможность описания класса речевых актов как такового, выражаемого ими содержания. При таком понимании мы можем определить, насколько нейтрализовано первичное прототипное значение, какое дополнительное значение реализует высказывание, в каком соотношении они находятся между собой.

Как показывает представленный выше обзор терминологических обозначений класса экспрессивов, в лингвистической литературе нет общепринятого, однозначного определения границ данного типа речевых действий. Это вызвано не только разными исходными позициями авторов, но и разнородностью самих экспрессивных актов (выражение чувств и отношений). Действительно, начиная с пионерских работ Дж. Остина и Дж. Серля, к данному типу относятся не одни и те же действия. Так, например, Дж. Остин, кроме типичных актов выражения положительного отношения

говорящего к адресату (*приветствия, благодарности, извинения* и т.п.), относит к бехабитивам (экспрессивам) также вызовы на состязание, дуэль и т.п. и выражения негативного отношения говорящего к чьим-либо поступкам, представленного глаголами: *негодовать, резко возражать, обвинять, жаловаться, протестовать, оспаривать* и т.п. [11: 119, 126].

Дж. Серль первоначально ограничивает класс экспрессивов образцовыми глаголами: *благодарить, поздравлять, извиняться, соболезновать, сожалеть, приветствовать* [16: 183]. Позднее он добавляет к классу экспрессивов еще глаголы *хвалить* и *говорить комплименты* [18: 225], и экспрессивы трактуются им уже как речевые акты, имеющие целью выражение положительных чувств говорящего относительно какого-либо положения дел (события).

Сравнение состава класса экспрессивов в рассмотрении других – отечественных и зарубежных – лингвистов показывает безусловность отнесения к нему только речевых актов благодарности, извинения, поздравления, соболезнования, отчасти пожелания и прощания. Перечень остальных речевых актов – всего их насчитывается более тридцати – варьируется в самых широких пределах, основание чему кроется в избрании отличных друг от друга критериев и следующей из этого степени дробности классификаций: некоторые авторы объединяют рассматриваемые речевые акты в одну группу как «остаточные» единицы, не подпадающие под какие-либо общие критерии классификации. Например, А. Вежбицка, анализируя группу бехабитивов, к которым она относит *приветствия, соболезнования, поздравления, благодарности, извинения, благословения, проклятия, пожелания*, утверждает, что эти выражения не составляют какую-либо конкретную семантическую категорию [4: 265]. Отсутствие критериев классификации и, следовательно, неопределенность оснований объединения в один тип, с одной стороны, актов экспрессивного характера (*поздравлять, благодарить, соболезновать* и т.д.), и *вопросов, протестов, согласия* и т.д., с другой стороны, характеризует типологию Фрейзера [28: 192].

Анализ вопроса показывает, что экспрессивы в классификациях разных авторов включают акты, целесообразность выделения которых возможна только в рамках специфического анализа, как, например, при критерии выражения чувств в классификации С. Мартен-Клиф. В целях общего анализа возможным и правильным, на наш взгляд, было бы объединение на основе общей семантики и прагматики в единый подкласс сожаления актов соболезнования и сочувствия, в подкласс порицания – актов упрека, обвинения, критики, жалобы. Тосты, благословения, проклятья логично было бы объединить в подкласс пожеланий, а нанесение обиды, брань и оскорбления – в подкласс инвективных речевых актов. Самопохвалу (хвастовство) следовало бы рассматривать как разновидность похвалы. Включение приглашения, передачи приветов, представления в класс речевых актов кажется нам сомнительным, поскольку, на наш взгляд, в них значительно больше директивности и декларативности, чем выражения психического состояния. Единичность введения в состав экспрессивов специфицированных речевых актов (как, например, акт пожелания удачи у Ю.Д. Апресяна [1: 210], приглашения и представления как формы этикетного поведения) в классификации М.Я. Гловинской [8: 210-212], принятия благодарности и извинения в работе А.Г. Пospelовой [13: 74]) доказывает нецелесообразность представления их как отдельных подклассов экспрессивов и рациональность отнесения их в одну из более «реальных» групп.

Разделяются мнения и в отношении речевых актов оценки (как комплимент, похвала, лесть, порицание, оскорбление и под.), которые многими исследователями предлагается выделить их либо в особый класс, либо причислить их к ассертивам [13: 71]. Другая группа авторов представляет противоположное мнение, считая, что оценочные речевые акты должны быть отнесены к классу экспрессивов, поскольку последние представляют собой «частный случай» оценочных речевых актов [6: 166] и их объединяет общность перлокутивного эффекта (оказать «эмоциональное

воздействие на слушателя, основанное на одобрении и порицании в широком смысле слова») и интенции – выразить чувства (положительные или отрицательные) говорящего по отношению к адресату. Мы солидарны с этой точкой зрения, которой придерживаются Н.Р. Норрик, С. Мартен-Клиф, Е. Рольф, Д. Буля, Я. Навацка, Е.М. Вольф, И.В. Труфанова [33; 32; 27; 6; 21], и считаем естественным определение этих речевых актов оценки и эмоционального воздействия в группу экспрессивов – как актов, выражающих рациональную оценку, пропущенную через эмоциональную сферу психики. При этом можно сделать оговорку, что многие из этих актов (похвала, обида, оскорбление) даже «приближаются» к конвенциональным актам в связи с возможностью их ритуализации определенной общественной среде и в определенное время. Вместе с тем нанесение обиды, оскорбления отличается от обычных конвенциональных актов тем, что интенция говорящего не является обязательным условием успешности акта, как и пресуппозиция обиженного (оскорбленного), что говорящий имел такую интенцию. В этом состоит отличие роли адресата в акте оскорбления (нанесения обиды) от роли адресата в других конвенциональных актах [27: 38].

Учитывая все вышесказанное, мы предлагаем выделять в рамках класса экспрессивов (понимаемого широко) два подкласса речевых актов (признавая целесообразность выделения подкласса спонтанного выражения эмоций, как это делает Труфанова И.В. [21], мы рассматриваем их как эмотивное (эмоционально-оценочное) отношение, сопровождающее совершение социативных и инфлуктивных речевых действий):

- **социативы** – речевые акты выражения признания говорящим слушающего как члена одной с говорящим социальной группы, выражаемого в определенных стандартных ситуациях: *приветствие, прощание, извинение, положительное пожелание (тост, благословение), поздравление, благодарность, соболезнование (сожаление, сочувствие)*;

- **инфлюктивы** – речевые акты выражения эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия, к которым говорящий прибегает как к санкциям, регулирующим исполнение слушающим своих социальных и межличностных ролей: *похвала, комплимент, лесть, порицание, оскорбление, негативное пожелание*.

Эти речевые акты осуществляются с различными целями, в различных условиях, опираются на различные канонические речевые и категориальные ситуации, но объединяются единой интенцией – выразить определенной психическое состояние, вызванное некоторым пропозициональным содержанием, а также единым перлокутивным эффектом – вызвать эмоциональную реакцию партнера.

Список исследований, специально посвященных экспрессивным речевым актам, пока еще сравнительно невелик. Однако уже существующий ряд монографий, статей и диссертационных исследований на эту тему [обзор см. 20: 103-108], вносящих вклад в разработку достаточно популярной «экспрессивной темы», постоянно пополняется. Интерес к экспрессивам понятен - их особая социальная значимость в процессе межличностной коммуникации настоятельно требует подведения под их здание солидной лингвистической основы, фундамента, который обеспечил бы безошибочное межъязыковое общение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю. Д. Апресян // Изв. АН СССР. – 1986. – Сер. лит. и яз. – Т. 45. - № 3. – С. 208-233.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 2003. – 383 с.
3. Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Л.: ЛГУ, 1990. – 86 с.
4. Вежбицка А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251-276.

5. Вежбицка А. Толкование эмоциональных концептов / А. Вежбицка // Язык. Культура. Познание: [Сб. ст.]. – М.: Русские словари, 1996. – С. 201-375.
6. Вольф Е. А. Функциональная семантика оценки / Е. А. Вольф. – М.: URSS, 2006. – 261 с.
7. Гак В. Г. К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста / В.Г. Гак // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку: [Сб. ст.]. – М.: Наука, 1987. – С. 37-48.
8. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М. Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект: [Сб. ст.]. – М.: Наука, 1993. – С. 158-218.
9. Золотова Г. А. О перспективах синтаксических исследований / Г. А. Золотова // Известия АН СССР: Серия лит. и языка. – Т. 46. – №6. – 1986. – С. 500-514.
10. Карасик В. И. Семантика этикетного действия / В. И. Карасик // Действие: лингвистические и логические модели: [Тез. докл.]. – М.: ИЯЗ, 1991. – С. 45-57.
11. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129.
12. Писарек Л. Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским / Л. Писарек. – Wroclaw: Wydaw. Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. – 173 с.
13. Поспелова А. Г. Функциональный аспект изучения речевых актов: иллокутивно-интерактивная характеристика / А. Г. Поспелова // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка): [Сб. ст.]. – СПб.: СПбГУ, 1992. – С. 68-85.
14. Почепцов Г. Г. Прагматика предложения // Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского

- языка. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 271-278.
15. Рябцева Н. К. Мысль как действие / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка: модели действия: [Сб. ст.]. – М.: Наука, 1992. – С. 60-69.
 16. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986б. – С. 170-194.
 17. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986а. – С. 210-229.
 18. Серль Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Р. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 18: Логический анализ языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 252-255.
 19. Сусов И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И. П. Сусов // Языковое общение: процессы и единицы: [Сб. ст.]. – Калинин: КГУ, 1988. – С. 7-13.
 20. Трофимова Н. А. Актуализация компонентов смысла высказывания: дисс. ... докт. филол. наук / Н. А. Трофимова. - СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. - 421 с.
 21. Труфанова И. В. Прагматика несобственно-прямой речи / И. В. Труфанова. – М.: Прометей, 2000. – 568 с.
 22. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 1984. – 198 с.
 23. Формановская Н. И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении / Н. И. Формановская // Эмоции в языке и речи: [Сб. науч. тр.]. – М.: РГГУ, 2005. – С. 106-116.
 24. Шиленко Р. В. Регулирование равновесных межличностных отношений в коммуникативном пространстве / Р. В. Шиленко // Языковое общение: процессы и единицы: [Сб. науч. тр.]. – Калинин: КГУ, 1988. – С. 40-44.
 25. Bach K. Linguistic Communication and Speech Acts / K. Bach, R. Harnish. – L., Cambridge: MIT Press, 1980. – 327 p.

26. Ballmer Th. *Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs* / Th. Ballmer, W. Brennenstuhl. – Berlin: Springer, 1981. – 274 p.
27. Bula D. *Proba klasyfikacji aktów mowy* / D. Bula, J. Nawacka // *Sociolingwistyka*. – Nr. 5. – 1983. – Warszawa-Katowice-Krakow. – S. 31-46.
28. Fraser B. *Hedged Performatives* / B. Fraser // Cole P., Morgan J. (Eds.): *Syntax and Semantics*. – Vol. 3: *Speech Acts*. – N.Y.: Academic Press, 1975. – P. 187-210.
29. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns* / J. Habermas. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1981. – 533 S.
30. Leech G. N. *Principles of Pragmatics* / G. N. Leech. – London: Longman, 1983. – 250 p.
31. Liedtke F. *Grammatik der Illokution. Über Sprechhandlungen und ihre Realisierungsformen im Deutschen* / F. Liedtke. – Tübingen: Günter Narr, 1998. – 287 S.
32. Marten-Cleef S. *Gefühle ausdrücken. Die expressiven Sprechakte* / S. Marten-Cleef. – Göppingen: Kümmerle, 1991. – 371 S.
33. Norrick N. R. *Expressive Illocutionary Acts* / N. R. Norrick // *Journal of Pragmatics*. – Nr. 2. – 1978. – P. 277-291.
34. Sander T. *Expressive (Rede-)Handlungen* / T. Sander // *Divinatio. Studia culturologica series*. – № 18. – 2003. – S. 7-34.
35. Weigand E. *Sprache als Dialog. Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik* / E. Weigand. – Tübingen: Niemayer, 1985. – 368 S.
36. Wunderlich D. *Studien zur Sprechakttheorie* / D. Wunderlich. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1976. – 416 S.